

Меньшиков А. А.

STUDIA LINGUISTICA COGNITIVA. ВЫП. 2: НАУКА О ЯЗЫКЕ
В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ ПАРАДИГМЕ ЗНАНИЯ. – ИРКУТСК: ИЗД-ВО БГУЭП, 2009. – 352 С.

Меньшиков А. А.

A.A. Menshikov

**STUDIA LINGUISTICA COGNITIVA. ВЫП. 2: НАУКА О ЯЗЫКЕ
В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ ПАРАДИГМЕ ЗНАНИЯ. – ИРКУТСК: ИЗД-ВО БГУЭП,
2009. – 352 с.**

**STUDIA LINGUISTICA COGNITIVA. VOL. 2: STUDY OF LANGUAGE IN THE
CHANGING PARADIGM OF SCIENCE. – CITY OF IRKUTSK: BGUEP PUBLISHING,
2009. – 352 P.**

В сборник вошли статьи российских и зарубежных авторов, посвященные проблемам взаимосвязи языка, мышления и сознания.

Открывает сборник статья *А.В. Кравченко «Знание, языкознание и язык»*. А.В. Кравченко вводит читателя в проблему соотношения сознания и языка и одновременно анонсирует взгляды авторов других публикаций, вошедших в сборник.

Основная идея статьи А.В. Кравченко заключается в том, что индивид не имеет дело с объективной реальностью самой по себе, наоборот, мы «конструируем «объективную реальность» в когнитивной области наших языковых описаний» (С. 6). Таким образом, реальность для нас как универсум независимых сущностей есть продукт чисто описательной деятельности.

Отсюда вполне обоснованно вытекает кантианский вопрос «что есть знание?», который в статье получает вид и значение вопроса «что есть язык, и что есть языковое выражение?».

А.В. Кравченко констатирует отсутствие в языкознании общего понимания языка, разочарование современных лингвистов в структуралистском изучении языка «в себе и для себя» как автономной системы знаков. Необходимо отказаться от принимаемых интуитивно иллюзий онтологического фундаментализма, а вместе с ними и от инерции ортодоксальных взглядов на язык.

А.А. Залевская в статье «*Проблема знания в различных ракурсах*» рассматривает динамику общих подходов к проблеме знания, изменения в трактовке его «объективности», разграничение научного и обыденного знания, специфику психологического статуса знания и источники его получения, а также некоторые особенности функционирования языка и мета-языка знания у пользующегося им индивида (С. 14).

А.А. Залевская приходит к выводу, что изменение общенаучного подхода к когнитивной проблематике обострило внимание исследователей к «образу мира» чувственного человека, к «живому знанию» как единству языкового знания и знания о мире, единству знания и переживания понятности. Если А.Н. Леонтьев относит понятие «образ мира» к психологии ребенка, то А.А. Залевская расширяет сферу его употребления до «образа мира» взрослого человека, в котором выражается «принципиальная особенность знания как достояния индивида» (С. 26).

В статье «*Лингвистический статус языка науки (к вопросу о языковом детерминизме)*» *Т.Л. Верхотурова* замечает, что радикальные изменения в научной картине мира, произошедшие в XX веке, вызвали необходимость переосмысления сущности научной картины мира. Последняя обладает характеристикой языковой относительности в неменьшей степени, чем обыденная картина мира. Поэтому приписываемая научной картине мира объективность «дает сбой» (С. 75). Исследование языкового оформления концептуальных систем науки, делает вывод Т.Л. Верхотурова, позволит выработать более адекватную интерпретацию научной картины мира и конституирующих ее новых научных парадигм.

С. Имото в статье «Ничто как наполненность: «Путь» Лао-цзы и «Субстрат» Матураны» ставит перед собой цель «сравнить структуры мира по Лао-цзы и по Матуране» (С. 88).

С. Имото находит, что даосистское понятие «Путь», обозначающее Не-бытие, совпадает по смыслу с понятием Субстрата в теории Матураны. Все вещи – это когнитивные сущности, которые мы привносим из Субстрата в феноменальный мир. «Этим Субстратом считается Не-вещь как наполненность ... и соответствует Непознаваемому, Пути у Лао-цзы» (С. 91).

Сам С. Имото придерживается дуалистической онтологии, в которой «первый внешний мир» воспринимаем нами и зависим от его включения в наше феноменальное и ментальное пространство, а «второй внешний мир» есть источник причин (триггеров) наших перцептивных процессов, независимое от нас эпистемологическое основание «первого внешнего мира». Именно «второй внешний мир» соответствует Не-вещи (С. 96).

Статья И.К. Архипова «Язык и его функция: смена парадигм научного знания» посвящена вопросам разграничения чувственного знания и знания как доказанной уверенности, объективного и субъективного в познании и самопознании, знака и слова языковой личности.

По мнению И.К. Архипова, современное учение о языке находится в состоянии перехода от референциальной к биосемиотической парадигме. В рамках референциальной парадигмы язык представляется как система знаков, функционирующих в речи, биосемиотическая парадигма открывает подход к состояниям и действиям самой языковой личности, которые понимаются как адекватное приспособление к окружающей среде. Симпатии автора находятся на стороне новой парадигмы, поскольку «не сознание отбирает (ментальные) средства для коммуникации, но все тело наделяет определенные феномены семиотической значимостью» (С. 149).

П. Линнел представлен в сборнике статьей «Письменная языковая предвзятость лингвистики как научной отрасли». П. Линнел письменной языковой предвзятостью называет подмену диалогичности естественного языка искусственными символическими системами.

Язык представляется ученым либо как абстрактные объекты и правила, либо как действие. Первый подход называется П. Линнелом знакоупотребительным, второй – диалогическим. Научная традиция лингвистики основывается во многом на письменности и определенных жанрах письменного языка. Разговорный язык и язык вообще концептуализируется с помощью теорий, более пригодных для определенных форм письма и письменного языка, чем (в особенности) для разговорного, интерактивного языка.

Лингвистический скриптизм, влияние письма на концептуализацию речи, завел, по мнению П. Линнела, современную лингвистику в методологический тупик.

В статье С. Коули «Понятие распределенного языка и его значения для волеизъявления» исследуется язык как деятельность живых, «способных» субъектов и подвергается критике традиция когнитивного централизма – представления об источнике ментальности в виде некоего центрального локуса.

Для преодоления когнитивного централизма С. Коули вводит понятие «мягкой сборки» (С. 192). Под мягкой сборкой автором понимается процесс использования ресурсов языка, который «распределен как в мозге, так и в окружающем мире» (С. 206). Язык, следовательно, расширяет человеческую телесность, организует новые виды когнитивной интеграции.

Язык, по С. Коули, лишен репрезентативности, представляет собой непрерывную длительность, возникает в результате мягкой сборки мотиваций, предвосхищений и аффективных состояний в реальном времени, носит коллективный характер, делающий нас «экологически особенными» (С. 222).

Статья *Н.Ф. Алифиренко* «Лингвокогнитивная синергетика: истоки, принципы, сущность» представляет читателю одноименную научную парадигму «системного познания конкретных процессов естественного языка как биопсихического, семиотического, когнитивного, социального и культурного феномена» (С. 229).

Новизна методологических установок лингвокогнитивной синергетики стимулирует осознание сложных речемыслительных систем и моделирует механизм синергетического взаимодействия языка, мышления, сознания и культуры.

Статья «*Чужие аллюзии в русском культурном пространстве*» вышла в сборнике в соавторстве *В.А. Нуриева* с *Ю.А. Сорокиным*.

В статье принимается определение аллюзии как «риторической фигуры, «отсылающей» читателя (в широком смысле) к некоему обще- или широко известному культурному событию или литературному произведению» (С. 257). Далее авторы анализируют различные аллюзии на материале англоязычных текстов песен, кинематографа, произведений художественной литературы, а также обсуждают проблему непрозрачности аллюзий как когнитивной неудачи ее адресата.

А. Гросс свою статью «*Эмпирическая лингвистика как решение проблемы, порожденной шаманской лингвистикой*» начинает с извинения за то, что эта публикация может многим показаться осквернением «святых кумиров» (С. 280). И, тем не менее, автор чувствует себя обязанным сформулировать научный подход «на смену идолопоклонству».

Далее *А. Гросс* предлагает читателю пройти содержащийся в статье экспресс-опрос на предмет предрасположенности к «шаманской лингвистике», то есть к лингвистическим теориям, исходящим из заведомо ложных наукообразных посылок. Теории «шаманской лингвистики» основываются на трех заблуждениях: на попытках объективировать язык, на мнении об однородности языка и на положении о единстве и неизменности человеческой когниции.

В действительности, считает автор, лингвистика есть «отрасль человеческой физиологии» (С. 289), а сам язык есть «телесная функция». В физиологизации языка *А. Гросс* заходит еще дальше: «Человеческий язык можно рассматривать как просто более совершенную форму распыскивания, а иногда даже рвоты и плевания» (С. 295). Более адекватной моделью для новой, эмпирической лингвистики является эмпирическая медицина.

В статье *Е.И. Ривелиса* «*Словарь в свете когнитивной лингвистики*» предпринята попытка разработки подхода к «словарю продуктивного понимания». Эта новая модель словаря синтезирует в себе задачи лексикографии и перспективы когнитивной лингвистики. В итоге формируется новое научное направление – когнитивная лексикография, сущность которой состоит в описывании не значений, а того, как значения появляются (С. 347).

Статьи, представленные в сборнике, несмотря на различие занимаемых авторами теоретических позиций, отражают междисциплинарный статус проблем современной когнитивной лингвистики.